

**Енгалычев В.Ф., Оселков А.А. О психологическом содержании понятий, определяющих содержание экстремистской деятельности // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы и перспективы исследования. Сборник материалов Всероссийского научного семинара, СГУТи КД, Соц. пед. ин-т; Ин-т психологии РАН; Рос. фонд. фонд. иссл.; Студ. психолог. о-во СПИ СГУТиКД; под. ред. И.Б. Шуванова, Ю.Э. Макаревской, Г.Ю. Фоменко, З.И. Рябикиной. – Сочи: СГУТиКД, 2010. – С. 25-34.**

Чтобы помочь суду в разрешении спора, установлении, являются ли некие материалы экстремистскими, важно раскрыть психологическую составляющую взаимодействия автора с аудиторией (например, читательской, в зависимости от ситуации). Поэтому необходимым условием является определение судебно-психологического экспертного понятия *экстремистской деятельности*. Обобщённо, на основании анализа выделенных нами направлений это – деятельность, направленная на разрушение общества. В первую очередь это проявляется в возбуждении социальной вражды.

В связи с этим негативное влияние проявлений экстремизма выражается в создании и актуализации установок, т.е. психических образований, которые будут проявляться в преступном поведении и потому должны быть ограничены.

Законодательно понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» используются как синонимичные. При этом сам термин «экстремизм» означает приверженность к крайним взглядам, способам решения задач и применяется чаще всего в политике и не обязательно означает противоправное деяние [Ожегов С. И., 1990, с. 905; Петров Ф.Н., 1964, с. 747; Целиковский Р. А., 2009, с. 55]. На наш взгляд, в связи с этим корректно использование рядом исследователей словосочетания «криминальный экстремизм», уточняющее, что имеется в виду именно правовое значение термина [Бурковская В.А., 2005; Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 12].

Помимо этого, иногда как синонимичные «экстремизму» используются термины «ксенофобия», «социальная рознь», «социальная вражда» и «социальная ненависть». Является важным разграничить и их.

*Ксенофобия* (от лат. «*xenos*» — чужие, посторонние, иностранцы и «*fobos*» — страх) — это патологический, неуправляемый страх перед незнакомыми, чужими людьми, устойчивое ощущение угрозы с их стороны, выражающийся в эмоционально насыщенной неприязни к людям иной, нежели у носителя этого феномена, веры, культуры, расы, этноса и т.п., тем, кто может быть обозначен как «они» в противовес некоему «мы» [Прохоров А. М., 1980, с. 670]. В связи со своей спецификой, данный феномен может быть проявлением либо групповой («район на район», «фанаты Спартака против фанатов Динамо»), либо социальной (расизм, нацизм, религиозный экстремизм) активности, т.е. на уровне микро- или макросоциумов. По этой причине, в отношении конкретного «ксенофоба», это — иррациональное по своей природе (прикрывающееся псевдорациональными обоснованиями) отношение к определенным человеческим общностям и их представителям. Оно проявляется в соответствующих установках, предрассудках и предубеждениях, социальных стереотипах, интенциях, а также в мировоззрении в целом. В результате в сознании индивида формируется устойчивый «образ врага», являющегося для него источником опасности и угрозы. При этом сам ксенофоб, по точному замечанию М.В. Кроза и Н.А. Ратиновой, не осознает иррациональной природы данного отношения. Она очевидна лишь при анализе этого феномена «со стороны», также как и защитный, псевдорациональный характер аргументов, выдвигаемых ксенофобом для оправдания своих действий [Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 9-10].

Ксенофобия возникает для объединения в борьбе с общим врагом, и её источник, соответственно, может быть искусственным. Например, в словаре под редакцией А.В. Петровского, указывается, что в годы советской власти в менталитете общества «формировалось навязчивое, а точнее навязанное состояние страха и ненависти к чужим. В образе врага в разное время выступали священнослужители, «кулаки», а также представители многих партий и общественных движений. Будучи чертой менталитета советского общества, ксенофобия в сознании отдельного человека выражалась в подозрительности,

уверенности во враждебных намерениях, оправданности санкций и репрессий, применяемых к ним, их неискренности и фальши, заведомом моральном преимуществе пролетариата по сравнению с представителями других классов. В частности, понятие «враг народа» получило широкое распространение и произвольную трактовку» [Психологический лексикон, 2005, с. 58]. Аналогично это осуществлялось и руководством правительства США после теракта 11.09.2001 с целью сплочения нации против реальной и потенциальной угрозы [Белянин В. П., 2001].

В крайних формах ксенофобия может проявляться в агрессии или насильственном поведении по отношению к «чужакам» [Леонтьев А. Н., 2003, с. 80]. Согласно статистике, только за 1999 год 122 правоохранительных учреждения заявили СМИ о 7876 зарегистрированных случаях преступлений на почве нетерпимости в Соединенных Штатах Америки, причём в этих же докладах говорится о том, что приблизительно два из трех подобных преступлений оказались преступлениями против людей [Бартол К., 2004, с 23].

Обобщённо очень точно описывает ксенофобию А.А. Кельберг. Он говорит о том, что это «опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого и незнакомого, при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется тот самый фантастический страх, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях – и за образ действия» [Кельберг А. А., 1996, с. 49].

Это связано с тем, что сам этот феномен предполагает изначальную неприязнь к представителям определённых социальных групп безотносительно индивидуально-личностных качеств, особенностей деятельности их участников и т.д. Что важно, чем более тяжёлыми являются условия жизни любого человека или любой группы, тем более агрессивным и менее сдержанным будет реакция на любую попытку взаимодействия субъекта с внешним объектом. Данный феномен обуславливается тем, что в более тяжёлых условиях одно и то же действие может привести к более опасным последствиям, нежели в условиях лёгких. Этот механизм

характерен не только для человека, он свойственен большинству млекопитающих: оборонительное поведение свойственно всем живым организмам. В случае, когда происходит не межорганизменное, а межпопуляционное взаимодействие, оно приобретает форму территориального или иерархического. Для людей механизм отличается мало, большей частью может быть перенесён на человеческие популяции.

В связи с этим социумы с наихудшими экономическими условиями наиболее подвержены возникновению партизанско-террористических организаций, а группы или государства, более активно включающиеся во взаимодействие с другими социумами при более высокой социальной (в первую очередь, экономической) эффективности чаще становятся объектами яркой неприязни других стран.

Например, активно вмешивающееся в жизнь многих стран США является всё более популярным персонажем экстремистских текстов, открытой агрессии политиков других стран в выступлениях, а также многих социальных групп внутри самой этой страны. Россия в процессе двух «чеченских кампаний» стала таким же объектом ксенофобии со стороны различных групп в Чечне. В своё время мы проводили экспертные исследования песен, включающих признаки разжигания межнациональной розни чеченцев по отношению к русским, в период «второй чеченской кампании». В песнях РФ преподносилась, как источник международной агрессии, войны, вооружённых конфликтов; использовались обороты «одна Россия, весь мир ты покорила», «опомнись, Россия, за всё ты в ответе!», «двуглавым орлом идет к нам орда, разжигает везде раздоры и войны» и т.п. Эти варианты наглядно иллюстрируют указанную выше закономерность.

Помимо качественного параметра ксенофобии (раса, этнос и т.д.), вслед за М.В. Крозом и Н.А. Ратиновой обратим внимание ещё на два – уже количественных: интенсивность и широту [Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 26-27].

Под *интенсивностью* понимается степень выраженности, общественной опасности феномена. При локальной, кратковременной неэффективности

индивида как представителя определённой социальной группы в контексте меньшей неэффективности представителей других групп негативизм возникает исключительно как переживание человека, которое не имеет разрядки в действии в связи со своей слабостью. Возможна противоположная крайность, – Мировой экономической кризис 1929-1930 годов привёл к тому, что в относительно благополучных Штатах пять миллионов американских фермеров лишились земли за долги, на улицы попало 12 миллионов безработных (в пиковые даты кризиса — до 15 миллионов), и закрылось более пяти тысяч банков, значительный процент владельцев и директоров которых кончили жизнь самоубийством; в менее благополучной Германии возникла общесоциальная агрессия на наименее неэффективную (все группы в Германии так или иначе эффективными в тех условиях считаться не могли) социальную группу – евреев; при аналогичных процессах в Италии (успешно) и Франции (неуспешно) власть склонялась к фашистскому режиму, что стало началом Второй Мировой войны.

Любое проявление ксенофобии можно обозначить как стоящее на шкале между этими двумя явлениями: от выражения своей позиции, не имеющей отношения к экстремизму и слабо коррелирующей с понятием «ксенофобия» до насильственных действий или призывов к таковым в отношении представителей определённой касты, социального класса и т.д.

Вторым параметром является *широта*, – насколько обобщена группа, на которую направлена агрессия ксенофоба: от небольшой (собственно социальной группы) до довольно обширной (социум) или даже обобщённой совокупности всех «не своих» (советские лозунги «кто не с нами, тот против нас», «у нас нет пленных, у нас только предатели» и т.п.).

М.В. Кроз и Н.А. Ратинова. выделяют ещё один параметр ксенофобии, который мы оставили за кадром и вот почему. Речь идет об исходной причине формирования ксенофобских установок у конкретного субъекта. Здесь авторы выделяют два источника: категорию «мы», т.е. группоцентристскую установку (национализм, этноцентризм и т.д.), при которой негативное отношение к

«другим» возникает вторично и «лишь постольку, поскольку они оцениваются как препятствующие торжеству национальной идеи или религиозному мессианству»; во втором варианте, названном «негативная самоидентификация» говорится о борьбе не «за что-то», а «против кого-то», т.е. неприятие чужих здесь является первичным [Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 28].

При этом деление на два варианта представляется нецелесообразным, поскольку описывается, строго говоря, один вариант. Экспериментальные исследования были приведены при описании когнитивных теорий групповых конфликтов. Механизм можно описать следующим образом. Переживание наличия «мы» возможно только в контексте некоего «они». По этим причинам феномен «мы — хорошие» возникает только в сравнении с «они — плохие». В устной форме во исполнение норм политкорректности это может быть обозначено, как «они не такие хорошие, как и мы», что звучит более мягко. Но, в любом случае имеет место противопоставление, и его содержание определяется упомянутым признаком интенсивности. В этом смысле ксенофобия возникает только как переживание «они – плохие для нас», что в этой, полной форме звучит более корректно. По этой причине определение первичности ощущений «мы – хорошие» или «они – плохие» нецелесообразно, поскольку первое к ксенофобии, равно как и к экстремизму не имеет никакого отношения. По этим причинам при проявлениях социальной неприязни «у субъекта отсутствует какая-либо проработанная позитивная идея или программа» в обоих случаях.

Г.У. Солдатова отмечает, что для ксенофобического мышления характерно несколько базовых закономерностей, а именно, оно 1) опирается на логику повседневного мышления и поэтому негетерогенно, 2) подчиняется логике угрозы и законам страха, 3) фанатично и 4) проективно [Солдатова Г. У., 2006, с. 13-15].

По справедливому утверждению М.В. Кроза и Н.А. Ратиновой отказ от применения термина «ксенофобия» в законодательстве является совершенно

оправданным, поскольку данное явление характеризует взгляды и убеждения личности, которые не являются криминальными до тех пор, пока субъект не начинает публично пропагандировать противоправные идеи. Таким образом, юридически значимой является не сама ксенофобия, а различного рода противоправные действия, совершенные субъектом под влиянием таких взглядов. В этом смысле «экстремизм» является наиболее близким к ксенофобии юридическим понятием, но содержательно они пересекаются лишь частично [Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 32].

На основании вышесказанного сделаем вывод о том, что на практике уголовно наказуемые проявления ксенофобии относятся к экстремистской деятельности. Если человек является носителем образов, установок, суждений ксенофобского характера, это является его гражданской позицией или мировоззрением. Если же она проявляется, например, в следующих формах: дискриминация (ущемление чьих-либо прав), возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды, геноцид, то является уголовно наказуемым деянием, подпадая под содержание законодательной формулировки экстремистской деятельности.

Перейдём ко второму рассматриваемому понятию. В зарубежных работах под преступлениями, совершенными на почве ненависти понимается расовая, национальная и религиозная ненависть и вражда; при этом имеются в виду, прежде всего, насильственные преступления, совершенные по ксенофобским мотивам. Иногда под преступлениями данной категории понимают также противоправную пропаганду ксенофобии [Кроз М. В., Ратинова Н. А., 2005, с. 33-34].

*Социальная вражда* встречается в основном в нормативно-правовых актах и может выглядеть как «вражда», «ненависть», «неприязнь», «рознь» и т.д. Вместе с одним из слов из данного списка используется слово или словосочетание, обозначающее признак, по которому выделена группа, ставшая объектом указанных негативных проявлений: национальность, отношение к религии, этническое происхождение, принадлежность к определённой расе и

т.д. Термин «возбуждение» в целом является биологическим, противоположным по смыслу понятию «торможение» [Прохоров А. М., 1980, с. 239], и потому законодательно всё же приводится как образное выражение, обозначающее возникновение либо повышение активности; в некоторых случаях это даже трактуется как «настроить, восстановить кого-нибудь против кого-нибудь» [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 95], что придаёт в таком ракурсе словосочетанию «возбуждение вражды» тавтологичный характер. Термин «разжигание» имеет близкое значение – доведение до крайней степени, усиление [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 645]. Т.е. в обоих случаях речь идёт об увеличении интенсивности проявления.

Аналогичного идеи приводят авторы методических рекомендаций для органов прокуратуры РФ, которые указывают, что в контексте законодательства возбуждение вражды означает «формирование чувства неприязни, сильной антипатии, ненависти, желания любыми способами ущемить чьи-либо права и законные интересы (например, лишить инородцев политических прав и свобод)» и реализуется посредством информации, которая «содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Подобная информация, как правило, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для конфликтов» (Методические рекомендации, 2002, с. 24).

Под *ненавистью* традиционно понимается чувство сильнейшей вражды, злобы [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 40; Антонян Ю. М., 1998; Ушаков Д. Н., 1996, т.2, с. 519], смягчённым вариантом которого является *неприязнь* как недоброжелательность, недружелюбие [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 411; Ушаков Д. Н., 1996, т.2, с. 539]. Под *враждой* имеется в виду отношение и

действия, проникнутые взаимной неприязнью, ненавистью [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 102; Ушаков Д. Н., 1996, т.1, с. 391]. Рознь же чаще трактуется как ссора, вражда [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 681].

Ненависть и неприязнь являются лишь аффективными процессами и сами по себе не предполагают каких-либо действий. В этом смысле они входят в понятие «вражда», обладающее помимо этого ещё и конативным компонентом. Рознь является ещё более широким понятием, включающим в себя и вражду и



Схема 1. Соотношение Экстремистской деятельности, социальной вражды и

ссору. Последняя предполагает взаимность во вражде, размолвке, перебранке, в то время как в контексте экстремистской деятельности двусторонность взаимодействия не рассматривается [Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 1999, с. 759], в связи с чем понятие «рознь» является чересчур широким. Пропаганда экстремизма действует только в отношении групп, которые известны хотя бы в названии и более эффективна к тем, с которыми есть активное социальное взаимодействие. Это вызывает взаимообусловленность социальной вражды и ксенофобских установок, которые проявятся в поведении, т.е. будут иметь юридико-психологическую значимость. Варианты с «неприязнью»,

«ненавистью» и «рознью» либо недостаточны (не обладают когнитивным компонентом) и могут просто выражать гражданскую позицию (как в первых двух случаях), либо чересчур широки (как в последнем).

Отсюда *социальная вражда* – это комплексное понятие, включающее в себя негативные установки в отношении любых социальных групп. Изначальная нечёткость очертаний понятия обусловлена тем, что оно является юридическим и создано на основании прецедентов правонарушений, в связи с чем представляет собой не дефиницию в полном смысле этого слова, а перечислений характеристик и составляющих конкретных правонарушений. По этой причине, этот термин создаёт небольшую путаницу, поскольку он: 1) относится к одному из элементов «экстремистской деятельности», 2) как было указано выше, выступает её же синонимом и 3) одновременно с этим является отдельным правовым понятием. По этим причинам собственно дефиниция «социальной вражды» («розни», «вражды и ненависти») в праве отсутствует. Психологическое же значение данного феномена будет дано нами при более подробном рассмотрении его содержания в следующем параграфе.

Данные выводы можно распространять и на понятия, включающие рассмотренные нами выше термины. Г.У. Солдатова выделяет межэтническую напряжённость как социально-психологическую характеристику отношений и взаимодействий между народами и рассматривает её в трёх аспектах: как психологическое фоновое состояние, влияющее на развитие межэтнических разногласий, противоречий и конфликтов, как психокультурную составляющую проблемных ситуаций межэтнического взаимодействия и как результат активизации защитных психологических механизмов этнических групп [Солдатова Г. У., 1998, с. 4]. В связи с этим данный феномен не входит в предмет судебно-психологического исследования по выявлению материалов экстремистской направленности. Он обуславливает причины того, что мы изучаем в СПЭ и является объектом рассмотрения социальной и политической психологии.

## Список литературы

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
2. Бартол К. Психология криминального поведения. - СПб-М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 352 с.
3. Белянин В.П. Орёл плачет, но не сдаётся // Московские новости. 25.09.2001.
4. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России: Монография. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований при Ассоциации работников правоохранительных органов Российской Федерации, 2005. – 335 с.
5. Кельберг А.А. Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6, вып. 2 (№ 13).
6. Кроз М.В., Ратинова Н. А. Н.А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. — М.: Academia, 2005. — 52 с.
7. Леонтьев А.А. Психолингвистическая экспертиза ксенофобии в средствах массовой информации. Методические рекомендации для работников правоохранительных органов. – М.: Смысл, 2003. – 85 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 22-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (сост.) Толковый словарь русского языка: 4-е изд-е, дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Петров Ф.Н. (главный редактор), Лехин И.В., Локшина С.М., Шаумян Л.С. Словарь иностранных слов. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 784 с.
11. Прохоров А.М. и др. (ред) Советский энциклопедический словарь.– М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
12. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах/ Ред. – сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 176 с.

13.Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н. А. Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика/ Под ред. Ратинова Н. А. А.Р., М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – 253 с.

14.Солдатова Г.У. Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал, 2006, т.27, №5, с.5-17.

15.Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 томах. – М.: Терра, 1996. – 1552 с.

16.Целиковский С.Б. Радикализм, терроризм и экстремизм: некоторые методологические и психолингвистические аспекты определения и экспертной оценки // Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодёжной политики». Ростов-на-Дону, 12-14 октября 2009 года. Выпуск 1. – М.: «КРЕДО», 2009. – С. 54-58.